

**ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬСКИХ
И СОВЕТСКИХ ВЛАСТЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ЧЕХОВ В УКРАИНЕ
(1920–1930-Е ГОДЫ)**

СВЕТЛАНА ШУЛЬГА

Features of national policy of the Polish and soviet governments are in relation to Czech in 1920–1930. The article gives the comparative analysis of national policy of soviet and Polish governments in relation to the Czech national minority in twenties and thirties and concretes its displays on the example of Czech minority of Volhynia and Crimea.

Key words: National policy; assimilation; Czech community; Czech national districts.

В начале XX века Европа встала перед решением значительного количества вопросов общественной жизни. Один из самых важных среди прочих – национальная проблема, которая значительно обострилась в европейских странах после Великой войны. На землях современной Украины национальный вопрос приобрел особенную конфликтность и обострение, поскольку украинцы после войны оказались в территориальных границах нескольких государств. В 1920–1930-е гг. на территории Украины проживало значительное чешское меньшинство, оно располагалось в западной и центральной части советской Украины, в Крыму и Волынском воеводстве Польши. Решение национальных проблем в каждом из этих регионов проживания чехов приобрело свои особенные черты. Поэтому детальный анализ и изучение указанных особенностей, с нашей точки зрения, требует отдельного исследования.

Важным этот вопрос представляется и потому, что в период Второй мировой войны национальный вопрос обострился и вылился в национальное противостояние на западной Волыни. Очевидно, именно основные принципы и реализация национальной политики польским и советским государством, в состав которых входили территории западной Украины, и стали причинами такого обострения. Конфликты этнического характера на западной Волыни в 1920–1940-х гг. обострялись в основном между поляками и украинцами. В то же время они старались перетянуть на свою сторону и представителей других национальных групп, в том числе чехов, которые на протяжении десятилетий проживали на Волыни и отличались лояльностью к властям. Именно на их поддержку и помощь надеялись и поляки, и украинцы, и немцы. Традиционно многонациональный Крым и восточная Украина в этот период также были втянуты в межнациональные конфликты.

Цель статьи – детальный анализ национальной политики советского государства и Польши на примере чешской общины западной и восточной Волыни и Крыма, определение общих и отличительных черт в решении национального вопроса.

Изучение названных проблем осуществляется достаточно узкой группой исследователей. Среди них М. Бармак, С. Волкова, Л. Гурбова, Ю. Крамар, М. Лутай, В. Мазур, В. Нестеренко, В. Панасюк, Б. Чирко, научные интересы которых лежат в плоскости исследования национальных отношений в Украине.¹ Польские ученые Я. Кендик, Я. Мауэрсберг, А. Хойновски изучали вопросы национальной политики Польши

в 1920–1930-х гг.² Обращает на себя внимание и трехтомное исследование истории волынских чехов чешского историка Ярослава Вацулика.³

Во второй половине XIX века сформировались выгодные условия для эмиграции тысяч чехов в разные регионы Европы и Америки. Значительное количество чехов эмигрировали в Россию, в т.ч. Крым и на Правобережную Украину (Волынскую, Подольскую, Киевскую губернии). В начале 1860-ых гг. регионом эмиграции чехов становился Таврия, конец 1860-ых – нач. 1870-ых гг. Вольнь. Крым заселялся чехами постепенно на протяжении 1861–1865 гг. Архивы утверждают, что в 1890 г. чехов в Крыму поселилось 1 492, это составляло около 0,2 % населения.⁴ Массовая эмиграция чехов на Вольнь начинается в 1870-х гг., когда Александр II подписал постановление *О водворении чехов на Вольни* (10 июня 1870 г.). По данным переписи 1897 г. на Вольни проживало 27 670 чехов, что составляло 55 % всего чешского населения Российской империи (50 385 человек, из них в европейской части 30 299 человек).⁵ Такая массовость чешской эмиграции на Вольнь объясняется тем, что условия поселения тут были значительно выгоднее, а льготы шире.⁶

В межвоенный период чешское население проживало на территории Волынского воеводства Польши (на 1921 г. 25 405 человек, в 1931 г. 30 977 человек).⁷ Наиболее численными чешскими анклавами Вольни были Дубенский, Ровенский и Луцкий поветы. Чешское население проживало в 51 колонии, а также в больших городах Луцке, Дубно, Ровно, Здолбунове, Ковеле. На территории советской Украины по переписи 1926 г. проживало 15 905 чехов, что составляло 0,1 % населения республики. По численности

¹ БАРМАК, М.: *Німецьке, чеське та єврейське населення Волинської губернії (1796–1914 рр.)*. Тернопіль 1999; ВОЛКОВА, С.: *Чехи на півдні України (друга половина XIX – перша третина XX ст.)*. Сімферополь 2006; ГУРБОВА, Л. В.: *Чехи Крима в 20–30-е годы XX столетия*. В: Лаптев, Ю. Н. (ред.): Чехи в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь 2005, с. 83–91; КРАМАР, Ю.: *Політика польської адміністрація щодо національних меншин на Волині у міжвоєнний період*. Народознавчі зошити 39, 2001, зошит 3, 2001, с. 624–628; КРАМАР, Ю.: *Політика «зміцнення польської присутності» на Волині в 1930-х рр.* В: Чернега, П. М. (ред.): Україна і Польща в XX ст.: проблеми і перспективи. Збірник наукових праць. Київ – Краків 2002, с. 98–102; КРАМАР, Ю.: *Політика польської адміністрації щодо національних меншин на Волині у міжвоєнний період*. В: Друга світова війна і доля народів України. Матеріали 2-ої Всеукраїнської конференції, м. Київ, 30–31 жовтня 2006 р. Київ 2007, с. 332–343; КРАМАР, Ю.: *Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області)*. Архіви України, 2013, вип. 3, с. 115–126; ПАНАСЮК, В.: *Шкільництво національних меншин на Західній Волині у 1928–1939 роках*. В: Чехи і Дубенщина. Матеріали науково-теоретичної конференції. Луцьк 2011, с. 38–46; ЧИРКО, Б. В.: *Національні меншості на Україні в 20–30-х рр.* Український історичний журнал, 1990, No 1, с. 52–58.

² KĘSIK, J.: *Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego. 1892–1981*. Wrocław 1995; SNOJNOWSKI, A.: *Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939*. Wrocław 1979; MAUERSBERG, S.: *Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918–1939*. Wrocław 1968.

³ VACULÍK, J.: *Dějiny volyňských Čechů. Díl II*. Praha 1997, s. 191.

⁴ ГУРБОВА, Л. В.: *Чехи Крима в 20–30-е годы XX столетия*. В: Лаптев, Ю. Н. (ред.): Чехи в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь 2005, с. 83–91.

⁵ ТРОЙНИЦКИЙ, Н. А. (ред.): *Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года*. Том II. Санкт-Петербург 1905.

⁶ БАРМАК, М.: *Німецьке, чеське та єврейське населення Волинської губернії (1796–1914 рр.)*. Тернопіль 1999; КРЫЖАНОВСКИЙ, Е.: *Чехи на Вольни*. В: Крыжановский, Е.: *Собрание сочинений*. Том II. Киев 1890, с. 805–981; VACULÍK, J.: *Dějiny volyňských Čechů. Díl II*. Praha 1997, s. 191.

⁷ *Pierwszy powszechny spis RP z dnia 30 wrzesnia 1921 r.* Tom XXIII. *Województwo wolyńskie*. Warszawa 1926; *Dруги powszechny spis ludności z dn. 9.XII.1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo wolyńskie*. Warszawa 1938.

чехи занимали одиннадцатое место среди всех этнонациональных групп Украины.⁸ Чешское население проживало компактными группами на Волини (32 поселения), в Одесской области (8 поселений), Киевской области (5 поселений).⁹ В Крыму у 1920–1930-е гг. по переписи 1926 г. 1 406 человек. Чехи Крыма жили в сельской местности Симферопольского и Джанкойского районов.¹⁰

В межвоенный период изменения произошли не только в количественном составе чешского меньшинства Украины, качественно изменились политические и социально-экономические условия жизни. На украинских землях выросло новое поколение колонистов, которое не знало прародин, в то же время всеми усилиями пыталось сохранить свою национальную идентичность. Чехи создавали численные культурные, образовательные и спортивные общества, издавали периодику, в государственных и частных школах продолжали образовательные традиции, изучали чешский язык в частных школах, поддерживали народные традиции в культуре и быте. Чешские поселения отличались высоким уровнем агрокультуры, промышленного производства и торговли.

Национальные группы Польши находились под защитой подписанных ею международных актов и документов внутреннего законодательства: Малый Версальский договор (28 июня 1919 г.), Рижский мирный договор (18 марта 1921 г.), Женевская конвенция (15 мая 1922 г.). Данные документы имели неоднозначный характер. Например, Малый Версальский договор не предусматривал права национальных меньшинств на национальную автономию, будь-то культурную или территориальную. В решении языкового вопроса документ говорил о *«значительной части жителей другого языка»*, при этом не указывалось ни число таких жителей, ни что-либо другое.¹¹ Основные положения Трактата о защите национальных меньшинств, который был подписан в Версале, вошли в Конституцию Польши 1921 г., в то же время Чехословакия в своей Конституции поместила этот документ полностью. Таким образом, система международных обязательств Польши и ее конституционные акты гарантировали защиту прав и свобод непольского населения, в то же время можно констатировать ограничения непольского населения в государственном управлении, образовании и др.

Со времени присоединения западной Украины национальная проблема стала для Польши одной из самых сложных, поэтому она занимала важное место в программах политических партий и становилась одним из политических рычагов во время парламентских выборов. В начале 1920-х гг. народные демократы попытались воплотить в жизнь политику политической, культурной и экономической доминанции поляков (т. н. программа национальной ассимиляции), однако реальные действия их были далеки от декларированных, что привело, в частности, к майскому перевороту 1926 г. Правительство «пилсудчиков» предложило изменения в национальной политике при обязательном условии стабилизации и укрепления польской государственности, что могло быть реализовано также и при удовлетворении потребностей национальных меньшинств (т. н. программа государственной ассимиляции). Новая программа

⁸ Україна, 1929. Статистичний щорічник. Харків 1929.

⁹ МАЗУР, В. М.: *Особливості соціально-економічного та культурно-освітнього розвитку національних меншин в Україні (1920–1929): порівняльний аналіз*. Київ 1999.

¹⁰ CHOJNOWSKI, A.: *Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939*. Wrocław 1979.

¹¹ *Документи и материалы по истории советско-польских отношений*. Том III. Апрель 1920 г. – Март 1921 г. Москва 1965.

предусматривала толерантную языковую, религиозную и образовательную политику, допуск неполяков на отдельные государственные и самоуправленческие посты, др.¹²

Приведенные выше концепции были положены в основу осуществления конкретных мер польских государственных структур в национальном вопросе. Необходимо отметить, что для польских властей главными определялись отношения с украинским, еврейским и немецким населением как наиболее численными и политически активными группами, а также исходя из международной ситуации 1920–1930-х гг. прошлого столетия. Поэтому проблемы «чешские» рассматривались как второстепенные и все меры в отношении первой группы применялись и к чехам. В то же время польские воеводские структуры использовали чешских предпринимателей, землевладельцев, их общественные организации в проведении государственной ассимиляции, как делал это волынский воевода Генрик Юзевский, оценивая чехов как элемент *«очень позитивный с экономической стороны»*.¹³

Ярким проявлением особенностей национальной политики Польши была образовательная политика. В 1924 г. кабинет В. Грабского (1923–1925 гг.) проводил в жизнь новый школьный закон, который существенно ограничил права неполякового населения на образование, стал примером решения национальных проблем в духе государственной ассимиляции и вызвал негативную реакцию в *«восточных кресах»*.¹⁴ Закон предусматривал создание двуязычных школ в местностях с неполяковым населением, национальный язык в таком случае изучался как предмет.

Закон 1924 г. имел негативные последствия как для чешской государственной школы, так и частных школ. Польский историк Я. Мауэрсберг обращает внимание на параграф 4 закона, который разрешал открывать школы в восточных воеводствах *«только с русским [русинским], белорусским и литовским языком обучения или двуязычные»*, а значит, школы с чешским языком обучения организовывать запрещалось.¹⁵ Вследствие чего к середине 1920-х гг. наблюдается заметное сокращение количества чешских начальных школ. Если в 1921 г., например, в Луцком повете насчитывалось 17 таких школ,¹⁶ то уже в 1926 г. их количество сократилось до 10.¹⁷ Сокращение чешских начальных школ тем заметнее, что общее количество чешского населения в Луцком повете за те же годы увеличивалось: 1921 г. 4 843 человека,¹⁸ 1926 г. 5 271 человек.¹⁹

В Ровенском повете, одном из самых больших по численности чехов регионе (5731 человек), по сообщению школьного инспектора (17 мая 1927 г.) ни государственных, ни частных чешских школ не было, однако в школах сел Новокраев, Глинск, Квасилов, Михайловка чешский язык преподавался как предмет. Вместе с тем, Государственный архив Ровенской области фиксирует в 1927 г. две частные школы в городе Ровно и с. Новоставце, где учителями работали чехи.²⁰

¹² КРАМАР, Ю.: *Політика польської адміністрації щодо національних меншин на Волині у міжвоєнний період*. In: Друга світова війна і доля народів України. Матеріали 2-ої Всеукраїнської конференції, м. Київ, 30–31 жовтня 2006 р. Київ 2007, с. 332–343.

¹³ КРАМАР, Ю.: *Політика «зміцнення польської присутності» на Волині в 1930-х рр.* In: Чернега, П. М. (ред.): Україна і Польща в ХХ ст.: проблеми і перспективи. Збірник наукових праць. Київ – Краків 2002, с. 98–102.

¹⁴ Там же.

¹⁵ MAUERSBERG, S.: *Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918–1939*. Wrocław 1968.

¹⁶ Госархив Волынской области (далее ГАВО), ф. 36 Луцкое поветовое староство, оп. 1, дело 171.

¹⁷ ГАВО, ф. 36 Луцкое поветовое староство, оп. 10, дело 3.

¹⁸ ГАВО, ф. 46 Волыньское воеводское управление, оп. 1, дело 426.

¹⁹ ГАВО, ф. 36 Луцкое поветовое староство, оп. 10, дело 3.

²⁰ Госархив Ровенской области (далее ГАРО), ф. 30 Ровенское поветовое староство, оп. 20, дело 930; ГАВО, ф. 46 Волыньское воеводское управление, оп. 9, дело 3866.

В условиях усиления национального давления, ассимиляционной политики польского правительства и введения утравкистических школ настроения чешской общины сохранить свою национальную культуру и язык проявилось, прежде всего, в организации широкой, разветвленной сети частных начальных и средних школ с чешским языком обучения, которые основывались общественной организацией Чешская Матица Школьная (ЧМШ).

ЧМШ возникла в декабре 1923 г. Первое собрание состоялось в Луцке в присутствии 192 представителей чешских поселений Волины.²¹ В уставе организации, который был зарегистрирован 4 октября 1923 г., декларировалось, что организация *«имеет целью поддержку образования среди чешского населения [...] Стоит вне всяких организаций [...] Единственным заданием является развитие чешской школы и образования, исключая всякую политическую деятельность»*.²² Состоянием на 1929 г. ЧМШ содержала 11 школ, в том числе в Дубенском повете 4 школы, Луцком – 3, Ровенском – 2, Здолбуновском – 3.²³ Чешская Матица также открывала и развивала библиотеки, аматорские драмкружки, оркестры, активно сотрудничала с физкультурным обществом Сокол.

Вместе с активным развитием культурно-массовой работы в чешских колониях даже ограниченная форма самоуправления польским государством не допускалась, хотя чехи отличались лояльностью и законопослушностью. В то же время, активизация политических партий и объединений украинцев, евреев на территориях восточных воеводств Польши в конце 1920-х гг. ускорили процессы национального самосознания чехов, которые на протяжении десятилетий жили за границами Чехии, втягивали их в политическую жизнь, привели к формированию политически заинтересованной группы колонистов. В 1923 г. волинские чехи образовали Чехословацкое Народное Об'единение (ЧНО), первое собрание которого состоялось в одной из старых чешских колоний на Волины – Квасилове. Инициатором и председателем временного комитета Об'единения стал известный в чешских колониях Волины общественный деятель Антонин Перный. Архивные документы (Государственный архив Ровенской области)²⁴ свидетельствуют о политических целях, которые организация ставила перед своими членами. Очевидно, именно поэтому устав ЧНО на протяжении 1923–1935 гг. так и не был утвержден польскими властями, которые настойчиво «советовали» исключить подобные положения из устава общества. Появление каких-либо политически активных элементов в среде чешской общины вызвало негативную реакцию воеводских властей Волины, действия их полностью соответствовали целям правительства поддерживать деятельность только лояльных сил и не допускать появления оппозиционных организаций.

Иная ситуация складывалась на территории советской Украины, где национальный вопрос решался в соответствии с провозглашенной ВКП(б) политикой «коренизации» (в Украине – украинизация), которая предусматривала создание национальных советов в местах компактного проживания нацменьшин, открытие национальных школ, издание литературы и прессы языками нацменьшинств и т. п.

Законодательной базой проведенного районирования стало постановление СНК УССР *О выделении национальных районов и советов* (август 1924 г.). Для практического

²¹ ГАРО, ф. 30 Ровенское поветовое староство, оп. 20, дело 930.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ ЛУТАЙ, М.: *До історії чеської колонії Зубовщина*. Ін: Рудецький, П. А. – Златогорський, О. С. (ред.): Чехи на Волині: історія і сучасність. Житомир – Малин 2001, с. 36–40.

решения вопросов в апреле 1924 г. была организована Центральная Комиссия по делам национальных меньшин (ЦКНМ).²⁵ Так, в 1924 г. в Волынской губернии начала работу губернская комиссия, она обследовала населенные пункты, где проживали группы нацменьшин, в том числе чехи. 18 октября 1924 г. эта комиссия рассматривала и удовлетворила обращение полномочных представителей чешских колоний Высока, Чуранды, Горбаши Житомирского округа, которые просили организовать чешский совет в колонии Высока. Тогда же был организован совет и в колонии Крошна Чешская.²⁶ До 1 октября 1925 г. в УССР было образовано 13 чешских советов: 11 из них на Волыни: по 4 в Коростенском и Волынском округах, 2 в Шепетовском, 1 в Бердичевском, по одному в Киевском и Винницком.²⁷ Делопроизводство, служебная переписка в чешских советах велись на чешском языке, однако советский государственный аппарат не был приспособлен к такой системе, чиновники не владели языком, потому контроль за деятельностью национальных советов усложнялся.²⁸ Следует заметить, что чехи вызывали обеспокоенность советской власти: низкий процент «советизации», почти полное отсутствие представителей рабочего класса, нежелание чехов объединяться в колхозы, почти полная грамотность и, вследствие, высокое национальное самосознание, религиозность.

Чехи на протяжении десятилетий проживания на Украине сберегали родную речь, национальные традиции. Среди других народов они отличались высоким процентом грамотности. По данным переписи 1926 г. на Правобережной Украине из 6 604 чехов умели писать и читать 4 822, притом 3 008 на родном языке.²⁹ В чешских колониях в 1924–1925 гг. работало только 10 школ (342 ученика), со временем их число увеличилось до 17, в то же время учителей (1924 г.: 4 учителя на 24 колонии), литературы катастрофически не хватало, все школы были только четырехлетними начальными. Чешские школы посещали 43,8 % детей, другие украинские, польские и русские школы. Дети не могли продолжать обучение на родном языке и вынуждены были переходить в русские или украинские школы.³⁰

В 1931 г. Всеукраинский центральный исполнительный комитет рассматривал состояние чешских школ, было отмечено, что местные органы власти не интересуются этим вопросом и что чешские школы работают без какого-либо контроля со стороны власти. Отмечалось, что *«чешские школы среди других национальных школ [...] находятся в тяжелом состоянии. Не хватает чешской литературы, учебников, 18 начальных школ обеспечены учителями на 60 %, шесть учебных заведений были закрыты из-за отсутствия учителей»*.³¹

²⁵ ЧИРКО, Б. В.: *Національні меншості на Україні в 20–30-х рр.* Український історичний журнал, 1990, No 1, с. 52–58.

²⁶ НЕСТЕРЕНКО, В.: *Чехи Радянської Волині у міжвоєнний період (1920–1930-ті роки)*. In: Рудецький, П. А. – Златогорський, О. Є. (ред.): *Чехи на Волині: історія і сучасність*. Житомир – Малин 2001, с. 56–63.

²⁷ *Адміністративно – територіальний поділ УСРР. При 3-ступеневій системі врядування (за даними на 1 жовтня 1925 р.)*. Харків 1925.

²⁸ НЕСТЕРЕНКО, В.: *Чехи Радянської Волині у міжвоєнний період (1920–1930-ті роки)*. In: Рудецький, П. А. – Златогорський, О. Є. (ред.): *Чехи на Волині: історія і сучасність*. Житомир – Малин 2001, с. 56–63.

²⁹ Там же.

³⁰ *Україна, 1929. Статистичний щорічник*. Харків 1929; НЕСТЕРЕНКО, В.: *Чехи Радянської Волині у міжвоєнний період (1920–1930-ті роки)*. In: Рудецький, П. А. – Златогорський, О. Є. (ред.): *Чехи на Волині: історія і сучасність*. Житомир – Малин 2001, с. 56–63.

³¹ Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее ЦГАООУ), ф. 1, оп. 20, дело 4171.

В 1920–1930-х гг. чешское население проживало на территории юга Украины (1 414 человек) и в Крыму (1 406 человек).³² В Крыму чешское население сосредотачивалось в северных районах, на юге Украины – в современных Запорожской, Николаевской, Одесской и Херсонской областях. В середине 1920-х гг. в данном регионе стали создаваться национальные советы. В 1925 г. в Крыму в селе Александровка Джанкойского района совет возник на основе чешско-немецкой колонии и насчитывал 751 человек (чехов 264). В 1926 г. был создан чешский совет в Богемке того же района, хотя кроме чехов там проживали немцы, русские, евреи, совет насчитывал 356 чехов.³³

Основная работа среди крымских чехов проводилась через культурно-образовательное общество чехов и секцией Клуба Нацмены Запада, они основывали т. наз. «*избы-читальни*», «*красные уголки*», которые функционировали при школах, а их деятельность обеспечивали учителя.

В Крыму чехи также отличались высоким уровнем грамотности. Чешские школы первой ступени работали в Богемке и Александровке, преподавание велось на чешском языке с обязательным изучением русского начиная со второго класса. В 1925 г. в этих школах обучалось 75 детей, а в 1926 г. уже 122, причём среди них были не только чехи, но и русские, немцы, украинцы. В общей сложности до нач. 1930-х гг. на полуострове в чешских начальных школах первой ступени число учеников составляло 87 человек и 117 человек, только 85 % из них чехи.³⁴ В данном регионе прослеживаются те же проблемы, что и в Центральной Украине: недостаток художественной литературы, учебников и пособий на чешском языке, отсутствие учительских кадров, всесторонний контроль со стороны власти, запрет на национальные праздники.³⁵

Таким образом, на территории советской Украины и Крыма вследствие политики «коренизации» чешское население получило на определенный период и в урезаном виде возможности самоуправления и развития национального образования, решения экономических проблем. Самым сложными стали образовательные проблемы, они ярко продемонстрировали все «положительные» стороны национальной политики советского государства, которое стремилось удерживать контроль над жизнью представителей нацменьшинств, что неоднозначно оценивается современной историографией.

В начале 1930-х гг. прослеживаются кардинальные изменения в национальной политике как Польши, так и Советского Союза: усиливается натиск на национальное образование, начинается сплошная коллективизация в СССР (до 1930 г. ликвидированы все чешские хозяйства), разворачивается волна репрессий и лишения избирательных прав.

В конце 1920-х и начале 1930-х гг. в Польше наблюдается усиленное внимание к непольскому населению, особенно украинскому и немецкому.³⁶ Особые мероприятия в отношении нацменьшинств предусматривались «*волинской программой*» воеводы Г. Юзевского, который считал «*основной целью государственную ассимиляцию населения Волини*» путем направления политического движения, решения культурных проблем, вопросов образования в пропольском духе.³⁷ «*Волинский эксперимент*» предусматривал

³² ВОЛКОВА, С.: *Чехи на півдні України (друга половина XIX – перша третина XX ст.)*. Сімферополь 2006.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ ГАВО, ф. 36 Луцкое поветовое староство, оп. 10, дело 3; ГАРО, ф. 30 Ровенское поветовое староство, оп. 20, дело 930; ГАВО, ф. 46 Волинське воеводське управління, оп. 9 а, дело 161; дело 253; дело 3866.

³⁷ КРАМАР, Ю.: *Політика польської адміністрації щодо національних меншин на Волині у міжвоєнний період*. Ін: Друга світова війна і доля народів України. Матеріали 2-ої Всеукраїнської конференції, м. Київ, 30–31

меры властей по «украинско-польскому сближению», в то же время Г. Юзевский рассматривал волыньских чехов как «элемент очень позитивный с точки зрения экономической», поэтому чехи не представляли серьезной «угрозы» его политике и могли при определенных условиях поддаваться государственной ассимиляции.³⁸ Такая позиция воеводы, очевидно, влияла на отношения между государственными структурами и представителями чешской общины, которые имели достаточно значительное представительство в органах самоуправления. В ходе местных выборов 1934 г. они получили 2,8 % мандатов в поветовых сеймиках и по 2,1 % мандатов в гминных и городских советах воеводских городов. Вспомним также и единственного представителя чешского населения Волыни в Сейме Польши Владимира Медуны (1928–1930 гг.).³⁹ Таким образом, чехи подчеркнули свою лояльность к польскому государству.

Воевода Г. Юзевский определял себя как сторонник решения образовательных вопросов в духе языкового утравизма. Он считал, что именно посредством решения языковой проблемы возможно достичь взаимопонимания, образование в польском духе он считал путем к лояльности. Вследствии введения утравкистического образования чешские школы на Волыни сократились: если в 1926–1927 гг. на Волыни работало 26 чешских государственных начальных школ, то через десять лет таких школ насчитывалось только пять.⁴⁰

В таких условиях важным центром чешского национального образования и культуры была Луцкая чешская школа, основанная в 1929 г., с 1934 г. школа давала полное семилетнее образование. В это время в школе обучалось 132 ученика, причем в старших классах учеников было больше, очевидно чехи переводили детей из утравкистических школ, готовя их к поступлению в высшую школу в Чехии. Такая тенденция сохранялась и до последнего предвоенного года, когда школу закончило наибольшее число учеников 134.⁴¹ Исходя из необходимости расширения школьных классов, чехи обратились в городской магистрат с просьбой о новом помещении. Однако польские власти не разрешили открывать новое помещение школы, объясняя свой отказ его непригодностью, тогда как некоторые польские школы находились в значительно худших условиях.⁴² Кроме того, новый образовательный закон, принятый к рассмотрению в начале 1930-х гг., передавал компетенцию открытия национальных школ министерству образования и воеводским администрациям и обеспокоил чешское население, поставил развитие национальной школы в зависимость от лояльности чехов.⁴³

Советская власть в 1930-е гг. также кардинально трансформирует методы и способы работы с нацменьшинами, представители которых (особенно поляки и немцы) лишаются избирательных прав, обвиняются в антисоветской агитации, в контрабанде, в заграничных связях. Попытки советской власти в 1920-х гг. с помощью политики «коренизации»

жовтня 2006 р. Київ 2007, с. 332–343; KĘSIK, J.: *Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józefowskiego. 1892–1981*. Wrocław 1995.

³⁸ КРАМАР, Ю.: *Політика польської адміністрації щодо національних меншин на Волині у міжвоєнний період*. Ін: Друга світова війна і доля народів України. Матеріали 2-ої Всеукраїнської конференції, м. Київ, 30–31 жовтня 2006 р. Київ 2007, с. 332–343.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Rocznik Statystyki Rzeczpospolitej Polskiej*. Warszawa 1928; ГАВО, ф. 46 Волыньское воеводское управление, оп. 9, дело 253.

⁴¹ *Десять років чеській школі*. Луцьк 1939; ГАРО, ф. 30 Ровенское поветовое староство, оп. 20, дело 930.

⁴² ГАВО, ф. 46 Волыньское воеводское управление, оп. 9, дело 3866.

⁴³ ПАНАСЮК, В.: *Шкільництво національних меншин на Західній Волині у 1928–1939 роках*. Ін: Чехи і Дубенщина. Матеріали науково-теоретичної конференції. Луцьк 2011, с. 38–46.

добиться лояльности представителей нацменьшинств, использовать их в целях закрепления советского режима и коммунистической идеологии завершились неудачей, поэтому власти от административных мер переходят к репрессивным: раскулачивание, лишение избирательных прав, ликвидация национальных школ, аресты. В то же время, советская пропагандистская машина продолжала *»проводить прогрессивную советскую национальную политику«*.

Одним из рычагов такой политики стало раскулачивание, что особенно сказалось на чешском населении, которое сопротивлялось коллективизации и в имущественном отношении было богаче, нежели местные украинцы. В феврале 1928 г. на Житомирщине было арестовано 11 членов чешского сельскохозяйственного общества Дружество, которое помогало чехам-колонистам сел Крошня Чешская, Высока, Винограды, Околок и реализовало сельскохозяйственную технику из Чехии. Они были осуждены как *»социально-опасные кулацкие элементы«*.⁴⁴ В с. Зубовщина Коростеньского округа в феврале 1930 г. из колхоза были исключены чехи В. Навотный, И. Коничек, К. Гноилэк, др. Они были лишены также и избирательных прав.⁴⁵

Раскулачиванию и преследованиям поддавались и чехи Крыма. Так, в апреле 1933 г. правление колхоза им. второй пятилетки исключило из артели братьев Брабец – Антона, Александра, Степана и Иосифа, *»как применявших в 20-е годы наемный труд«*, а также за то, что имели в своем хозяйстве мельницу и молотилку, которые братья здали в колхоз. На территории Крыма чехи лишались избирательных прав под разными предлогами, что имело очень тяжелые последствия для самого *»лишенца«* и его семьи: ликвидировали продовольственные карточки, увольняли с госслужбы, выселяли из квартир, детей исключали из детских организаций, они не могли получать высшее образование и, как следствие, выселяли в отдаленные районы страны.⁴⁶

Хотя чехи в советской Украине, также как и в Польше, не рассматривались как неблагонадежные, однако и они попали под *»жернова«* репрессий. В 1937–1938 гг. в Житомирской области была *»разоблачена«* чешская организация Чешское дружество. Членов ее обвинили в том, что они *»создали«* военно-повстанческую шпионскую организацию, поддерживали связь с Чехословакией, создавали военные дружины и готовили их к вооруженному восстанию. Один из них – учитель Владимир Новак, котрый *»проводил«* среди учеников националистическую пропаганду, воспитывал их в националистическом духе. Всего по этому делу было арестовано и 22 сентября 1938 г. расстреляно 80 вольнских чехов (большинство – жители с. Крошня). Названные чехи были реабилитированы в 1958 г. (посмертно).⁴⁷

В 1938 г. в Украине началась кампания закрытия национальных школ как *»вредных очагов буржуазно-националистического влияния на детей«*. Постановлением Политбюро ЦК КП(б)У от 29 июня 1938 г. было проведено реорганизацию 888 начальных национальных школ в русские и украинские, в том числе и 19 чешских школ. В 1939 г.

⁴⁴ ЛУТАЙ, М.: *До історії чеської колонії Зубовщина*. In: Рудецький, П. А. – Златогорський, О. Є. (ред.): Чехи на Волині: історія і сучасність. Житомир – Малин 2001, с. 36–40.

⁴⁵ Там же; НЕСТЕРЕНКО, В.: *Чехи Радянської Волині у міжвоєнний період (1920–1930-ті роки)*. In: Рудецький, П. А. – Златогорський, О. Є. (ред.): Чехи на Волині: історія і сучасність. Житомир – Малин 2001, с. 56–63.

⁴⁶ ГУРБОВА, Л. В.: *Чехи Крима в 20–30-е годы XX столетия*. In: Лаптев, Ю. Н. (ред.): Чехи в Крыму. Очерки истории и культуры. Симферополь 2005, с. 83–91.

⁴⁷ НЕСТЕРЕНКО, В.: *Чехи Радянської Волині у міжвоєнний період (1920–1930-ті роки)*. In: Рудецький, П. А. – Златогорський, О. Є. (ред.): Чехи на Волині: історія і сучасність. Житомир – Малин 2001, с. 56–63.

советская власть окончательно ликвидировала национальное районирование и все чешские советы были реорганизованы в обычные.⁴⁸

Таким образом, в конце 1930-х гг. тоталитарный режим в СССР окончательно переходит от политики «жоренизации» к политике суровых ограничений и репрессий, ликвидации национальных районов, созданных в 1920-е гг., реорганизации национальных школ. Провозглашение политики «жоренизации» могло привлечь на сторону советской власти чехов, поляков, немцев, греков, болгар. Когда стало понятно, что названные меры не дают результатов, власти изменяют отношение к нацменьшинствам. Новый советский курс 1930-х гг., основанный на тоталитарной системе, не предусматривал обязательными интересы и потребности национальных групп. Основными методами деятельности властей в отношении нацменьшин стали репрессии, ограничения, выселения, ликвидация национальных школ.

Отношения польской власти и чешской общины Волыни определяли такие факторы, как сравнительно небольшая численность чешского населения и их компактное проживание на Волыни, традиционная лояльность чехов, высокий уровень национального сознания, относительная экономическая стабильность. Исходя именно из этих факторов Польское государство и строило отношения с чешской общиной. Конкретных мер в отношении чехов власти Польши не разрабатывали, используя те же принципы, что и в отношениях с немцами, украинцами, евреями. Вместе с тем, региональные программы («*волынская программа*») предусматривали особые меры в отношении чехов и исходили из определенной ситуации при общей стратегической направленности национальной политики – ассимиляции непольского населения.

Делая выводы, можно с уверенностью утверждать, что общие черты в национальной политике советских и польских властей в период 1920–1930-х гг. XX века определяются. Все мероприятия государств носили административный, искусственный характер, не учитывались особенности жизни и менталитета отдельных национальных групп. Ассимиляционная направленность правительственной политики была характерной чертой данного периода как на украинских землях в советской их части, так и польской. Власть использовала национальные группы для достижения своих целей во внутренней политике, а также как инструмент влияния и давления в политике международной.

Resumé

Odlíšnosti národnostní politiky polské a sovětské vlády vůči Čechům na Ukrajině ve dvacátých a třicátých letech 20. století

Studie sleduje a porovnává národnostní politiku polské, respektive sovětské vlády vůči české menšině ve dvacátých a třicátých letech 20. století a s ohledem na legislativu se snaží konkretizovat její projevy na příkladu Volyně a Krymu.

⁴⁸ Там же.